

Б. М. КОЧАКОВ

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ СОЛДАТ ЦАРСКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

Переход постоянной армии на сторону народа был, как известно, одним из важнейших условий победы февральской буржуазно-демократической, а вслед за тем и Великой Октябрьской социалистической революции в России. Этот переход лишил эксплуататорские классы возможности использовать армию в борьбе с революцией.

Вместе с тем переход армии на сторону народа умножал силы революции новыми, к тому же обученными и обладающими хорошим вооружением боевыми отрядами.

Революционеры всех поколений в той или иной мере пытались привлечь армию на сторону народа. Но только пролетарские революционеры поставили (а затем и решили) проблему борьбы за постоянное войско. Эта проблема красной нитью проходит через программные положения В. И. Ленина, начиная с знаменитой книги «Что делать?», и важнейшие решения коммунистической партии. Как писал Ленин в 1905 г., рабочий класс должен был добиться не только нейтрализации но и «полного перехода войск на сторону народа».¹ Ленин говорил тогда же, что работа революционных рабочих среди солдат ускоряет распадение постоянного войска на красную и черную армии и выражал уверенность, что «Армия сознательного пролетариата сольется тогда с красными отрядами российского войска».² В дни февральской буржуазно-демократической революции Ленин писал: «...история русской революции, как и история Парижской Коммуны 1871 года, дает нам непреложный урок, что милитаризм никогда и ни в коем случае не может быть побежден и уничтожен каким-либо иным способом, как

¹ В. И. Ленин. Первая победа революции. Сочинения, т. 9, стр. 401.

² В. И. Ленин. Между двух битв. Сочинения, т. 9, стр. 432.

только победоносной борьбой одной части народной армии против другой ее части. Недостаточно только громить, проклинать, „отрицать“ милитаризм, критиковать и доказывать его вред, глупо мирно отказываться от военной службы, — задача заключается в том, чтобы сохранять в напряжении революционное сознание пролетариата и притом не только вообще, а конкретно готовить его лучшие элементы к тому, чтобы в момент глубочайшего брожения в народе они стали во главе революционной армии».³

В октябре 1917 г., когда эта задача практически — и уже окончательно — была решена, Ленин, разоблачая фальшивую аргументацию штрейкбрехеров социалистической революции, говорил, что сейчас «дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой».⁴ Известно, что прогноз Ленина был блистательно подтвержден в ближайшие же дни ходом исторических событий.

В 1919 г., подводя общий итог непрестанной и поистине титанической борьбе большевиков за армию, Ленин отмечал, что, если оппортунисты II Интернационала (и социал-шовинисты, и центристы) укрепляли подчинение войск руководству империалистов, то «пролетарские революционеры все внимание направляли (начиная с августа 1914 года) на революционизирование армии, на использование ее *против* империалистских разбойников буржуазии, на превращение несправедливой и грабительской войны между двумя группами империалистских хищников в справедливую и законную войну пролетариев и угнетенных трудящихся масс каждой страны против „своей“, „национальной“ буржуазии».⁵

* *
*

В борьбе за переход постоянной армии на сторону революционного народа большевистская партия преодолела серьезные трудности. Они вытекали из того, что царская армия, подобно всем армиям эксплуататорских милитаристических правительств, была в максимально осуществимой мере оторвана от народа, воспитана в слепом, механическом послушании дворянско-буржуазному (прежде и больше всего — дворянскому) командному

³ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Сочинения, т. 23, стр. 238.

⁴ В. И. Ленин. Заседание Центрального Комитета РСДРП 16 (29) октября 1917 г. Сочинения, т. 26, стр. 164.

⁵ В. И. Ленин. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Сочинения, т. 30, стр. 236—237.

составу, специально вымуштрована для борьбы с революционным народом.

Еще в 1901 г. Ленин отмечал, что «постоянное войско, это — войско, отделенное от народа и подготовляемое для того, чтобы в народ стрелять».⁶

Русская армия в эпоху империализма была массовой по численности и народной по составу. Солдаты в своей основной, численно подавляющей части, состояли из переодетых в шинели крестьян, беднейших крестьян в частности и в особенности, а также рабочих и ремесленников. Напротив, число выходцев из господствующих классов в солдатской среде было ничтожным и даже меньшим, нежели удельный вес этих классов в населении страны.

Имея дело с армией массовой и народной по составу, царизм пытался отделить ее от народа с помощью ряда специальных, десятилетиями разработанных мер. К числу этих мер относились: система, направленная на подбор солдатского состава по возможности из политически отсталых элементов народной массы; национальные ограничения при комплектовании армии; размещение мобилизованных вдали от мест призыва с целью оторвать их от родной среды; максимальная изоляция солдат от народа, лицемерная проповедь о том, что армия должна находиться и находится «вне политики»; подчинение рабоче-крестьянского рядового состава дворянско-буржуазному офицерству; казарменная обработка солдат — и методами муштры, и средствами идеологического воздействия, и т. д.

В настоящей статье мы рассмотрим мероприятия царизма, имевшие целью в максимально осуществимой мере обеспечить «благонадежный» солдатский состав армии, а также те изменения этого состава, которые произошли в период империализма, в годы первой мировой войны особенно, и которые, в конечном счете, объективно способствовали переходу армии на сторону народа в буржуазно-демократической революции.

Как указывалось, царское правительство сознательно создавало систему искусственного комплектования солдатского состава армии по возможности из политически отсталых элементов народной массы, с максимальным отсевом передовой части населения. В 1906 г. Ленин писал, что царская армия — это «армия, связанная с наиболее отсталыми слоями крестьянства и подбираемая искусственно».⁷

⁶ В. И. Ленин. К деревенской бедноте. Сочинения, т. 6, стр. 363.

⁷ В. И. Ленин. Колебания сверху, решимость снизу. Сочинения, т. 11, стр. 3.

Прежде всего отметим давнюю и основательно продуманную тенденцию избегать насыщения армии выходцами из фабрично-заводского пролетариата. В обобщенном виде эта тенденция была сформулирована Военным советом, в журнале заседания которого от 16 марта 1906 г. говорится, что «вредное влияние политических учений скорее находило почву именно там, где в контингенте укомплектования находилось значительное число нижних чинов из бывших мастеровых и фабричных рабочих».⁸

Указанную тенденцию при комплектовании армии подтверждает и официальная статистика. Например, «Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год» сообщает данные (в %) о роде занятий солдат до поступления их на военную службу (см. табл.).⁹

Род войск	Роды занятий	Пехота	Кавалерия	Артилле- рия	Инжен. войска	Ж.-в. войска	В целом по армии
			(в процентах)				
Земледельцы		61.08	57.73	60.00	27.30	11.10	58.06
Ремесленники и мастеровые . .		14.97	16.33	16.20	45.00	48.50	17.10
Фабричные и заводские рабочие		3.55	2.91	2.69	6.27	5.73	3.43
Чернорабочие		10.67	9.95	12.00	7.02	10.20	10.61
Домашняя прислуга		1.42	2.20	1.18	0.97	0.78	1.40
Служащие		2.72	2.71	1.93	6.62	17.46	3.16
Прочие		5.59	7.87	6.00	6.82	6.23	6.24

Нетрудно заметить, что процент промышленных рабочих среди солдат невысок — 3.43% для армии в целом. Он был ниже удельного веса пролетариата по отношению к населению страны.¹⁰ Пехота, артиллерия, кавалерия — эти основные роды войск того времени — были преимущественно крестьянскими, деревенскими

⁸ ЦГВИА, ф. 1042, оп. 1, д. 160.

⁹ Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год. Издание Главного штаба, Пгр., 1915, стр. 363.

¹⁰ По данным переписи 1897 г., лиц, существовавших продажей своей рабочей силы, насчитывалось 9 156 080 человек. С членами семейств численность пролетариата, по расчетам исследователей, достигала 19 474 080 человек, т. е. 15.5% населения страны. И. Чернышев полагал, что в 1906 г. пролетариат составлял уже 17% населения. Н. А. Рубакин приходил к выводу, что в 1912 г. процент пролетариата «несомненно, еще увеличился» (см.: Н. А. Рубакин. Россия в цифрах. СПб., 1910, стр. 174 сл.).

по своему составу.¹¹ Особенно это следует сказать о гвардейских частях.¹² Только в инженерных войсках, где солдаты, умеющие обращаться с машинами, являлись для царизма как бы неизбежным злом, процент фабричных и заводских рабочих достигал 6.27% (в железнодорожных — 5.73%). Но и в этих последних родах войск, где солдаты из рабочих были особенно необходимы, преобладали все-таки не они, а ремесленники: нежелательность наличия в рядах армии выходцев из промышленного пролетариата была для царских генералов слишком очевидной.

Одним из показателей искусственного насыщения армии политически отсталыми элементами был значительный удельный вес в ней казачьих частей. Казаки составляли в 1913 г. 4.94% общей численности русской армии — значительно выше общей доли казачьего населения в населении всей страны.¹³ Характерно, что если к началу XX в. в целом по России в армию зачислялось только около 30% молодежи призывного возраста, то казачество отдавало в каждый призыв 72% такой молодежи.¹⁴ Объясняется это тем, что на протяжении всей эпохи империализма (да и раньше) царизм старался использовать казаков в качестве ударной силы в борьбе с революционным движением. Здесь следует вспомнить, что, характеризуя политическую позицию казачества в 1917 г., Ленин усматривал социально-экономические основы этой «русской Вандеи» в том, что «здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта».¹⁵

Об искусственном комплектовании армии говорит также устранение из состава вооруженных сил монархии ряда народов

¹¹ В свете приведенных цифр становится особенно очевидной надуманность утверждений некоторых историков о сугубо пролетарском составе артиллерийских частей. Например, В. И. Коновалов в статье «Революционное движение в войсках Московского военного округа» заявляет, что артиллерийские части были укомплектованы «в большинстве своем индустриальными рабочими» («Революционное движение в армии в годы первой русской революции», сборник статей, Госполитиздат, М., 1955, стр. 43).

¹² Ю. А. Кораблев, сведя данные солдатских алфавитов гвардейских Московского и Павловского полков (оба квартировали в Петербурге) за 1904 г., установил, что удельный вес «крестьян-хлебопашцев» был в них на 20.38% больше, чем в целом по армии (см. Ю. А. Кораблев, Революционное движение в войсках Петербургского военного округа. Исторические записки, т. 49, 1954, стр. 224.).

¹³ Военно-статистический ежегодник армии за 1913 год, стр. 55.

¹⁴ А. Ф. Редигер. Комплектование и устройство вооруженной силы. Изд. 3-е, СПб., 1900, стр. 30, 116, 122.

¹⁵ В. И. Ленин. Русская революция и гражданская война. Сочинения, т. 26, стр. 15.

России. При введении устава 1874 г. о всеобщей воинской повинности — как, впрочем, это практиковалось и ранее — многие из них были освобождены от несения службы в армии. Ряд других народов привлекался к военной службе в меньших размерах, чем позволял их удельный вес в составе населения страны. Такая политика мотивировалась тем, что данные народы якобы в силу исторических традиций не обладали необходимыми для военной службы боевыми качествами. Однако истинная причина коренилась в великодержавной политике царизма. К. Е. Ворошилов следующим образом характеризует эту политику применительно к армии: «В старой царской России русификаторские тенденции господствующей нации, с одной стороны, и с другой — боязнь сепаратистских стремлений нацменьшинств (узбеки, туркмены, таджики, горцы Северного Кавказа, турки Азербайджана, киргизы и т. д.), на ком национальный гнет сказывался с особой силой, приводили к устранению их из состава вооруженных сил монархии. Царизм считал (и совершенно правильно), что обучение малых народов военному искусству обязательно рано или поздно должно привести к созданию вооруженных кадров восстания против него».¹⁶ Доля русских (под которыми официальная статистика подразумевала великорусов, украинцев и белорусов) в армии была значительно выше, чем по стране в целом. Доля литовцев, латышей, кавказских и финских народов, татар, башкир, другими словами, доля огромного большинства так называемых национальных меньшинств, — значительно ниже.

Социальные и национальные ограничения, разумеется, не давали полной возможности предохранить армию от проникновения в солдатские ряды лиц, с точки зрения властей «политически неблагонадежных». Вопрос этот давно беспокоил царских министров, опасавшихся, что революционно настроенные новобранцы заразят своим вольнолюбивым духом широкие солдатские круги. Пытались решить его по-разному. Высказывалось, например, мнение о том, что нецелесообразно наполнять армию «политически неблагонадежными». Так, в 1883 г. в совещании министров при обсуждении вопроса «о принудительном отбывании воинской повинности уволенными за беспорядки из учебных заведений», между прочим, было отмечено: «Весьма прикормные, хотя, по счастью, весьма редкие факты показывают что и солдатская среда может быть доступна революционной пропаганде. Наполнять ее лицами во всяком случае сомнительной благонадежности значило бы прямо действовать в интересах

¹⁶ К. Е. Ворошилов, Статьи и речи. М., 1937, стр. 338.

революционной пропаганды».¹⁷ Мнение это в то время не восторжествовало: издавна царская армия считалась местом ссылки, одним из самых тяжелых наказаний для свободомыслящей молодежи. Даже в годы нарастания революционного кризиса правительство находило возможным массовую «сдачу в солдаты» участников студенческих волнений (так было, например, в 1901 г.). Некоторые ограничительные меры были приняты первоначально лишь по отношению к вольноопределяющимся: еще с 1880 г. вольноопределяющихся, находящихся под надзором полиции, было запрещено принимать в армию. Вследствии «в целях дальнейшего ограждения от вредного влияния неблагонадежных элементов, могущих проникнуть в среду нижних чинов в качестве вольноопределяющихся», было предписано принимать на службу только тех из них, которые были лично известны командирам соответствующих воинских частей.¹⁸ Однако в годы первой русской революции все эти меры оказались недостаточными. Совет министров, считая, что революционеры, придя в армию, приносят ей «огромный вред», так как «деятельность их, проходя постоянно в тесном кругу казарменного сожительства и товарищеского единения, почти не уловима», особенно после сокращения срока солдатской службы в 1906 г., принял новый законопроект: лицам, привлеченным к дознаниям по политическим делам, давать отсрочки до окончания следствия, а лиц, находящихся под надзором полиции, привлекать к службе только после окончания надзора. Вторая Государственная дума 21 мая 1907 г. отклонила этот законопроект. Царь, в порядке статьи 87-й основных законов, утвердил его 12 сентября 1907 г., что лишний раз свидетельствует о страхе властей перед проникновением в армию революционно настроенной молодежи.¹⁹

Указ 12 сентября 1907 г. имел в виду лиц, так сказать, явно изобличенных в каком-то причастии к революционной деятельности. За ними стоял — для царских властей это было очевидно — обширный круг молодежи, охваченной революционными идеями, но еще не попавшей под явный надзор полиции. По отношению к ней, и вообще в целях предосторожности, с 1906 г. рядом «высочайших» повелений и циркуляров был установлен особый порядок политической проверки новобранцев, специального надзора за неблагонадежными и дополнительной их сортировки по воинским частям и гарнизонам. Так, циркуляр министра внутренних дел 30 июня 1914 г. подписывал уездным воинским

¹⁷ А. Георгиевский. Краткий статистический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890, стр. 130.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 644.

¹⁹ Особый журнал Совета министров 28 августа 1907 г.: там же.

начальникам, получив от полицейских властей сведения о неблагонадежных в политическом отношении новобранцах, сообщать об этом в соответствующие воинские части «для установления за ними в войсках не гласного, но бдительного наблюдения». На необходимость такого надзора военные власти указывали и раньше. Так, после отдачи в солдаты участников студенческих волнений 1901 г. военный министр издал специальный циркуляр, в котором говорилось: «Необходимо иметь прочно установленное негласное наблюдение за каждым из поступивших в войска за беспорядки студентом, ибо среди них могут оказаться люди политически неблагонадежные, которые воспользуются своим пребыванием в армии для преступной пропаганды среди офицеров и нижних чинов».²⁰ Аналогичные распоряжения давались и ранее.²¹ Цирюляры предписывали, сверх того, производить тщательный осмотр вещей призванных на военную службу «в видах пресечения новобранцам, в особенности из числа фабричных и заводских рабочих и лиц, находившихся в отхожих промыслах, возможности приносить с собою в воинские части преступные прокламации и вообще произведения нелегальной литературы».²² Для направляемых в гвардию был установлен особо строгий порядок проверки политической благонадежности и пребывания под судом.²³ Иногда отбор в гвардейские части производил сам царь, которому должны были представляться в соответствии с предписанием начальника Главного управления Генерального штаба от 18 мая 1913 г. новобранцы, «лучшие по своим физическим и нравственным качествам, при этом вполне благонадежные в политическом отношении».²⁴

Таковы, в общих чертах, мероприятия царизма, имевшие целью обеспечить наиболее «благонадежный» состав солдатской массы. Наряду с другими перечисленными выше рычагами от-деления армии от народа они длительное время в известной мере обеспечивали правящим кругам возможность использования армии для борьбы с революционным народом.

Но «действенность» всех этих мероприятий была, разумеется, весьма относительной.

²⁰ М. И. Ахун и В. А. Петров. Большевики и армия в 1905—1907 гг. Изд. «Красная газета», Л., 1929, стр. 11.

²¹ Например, 9 сентября и 8 августа 1913 г., 3 июня 1910 г., 19 ноября 1909 г. и еще ранее — начиная с 1906 г. (см.: ЦГВИА, ф. 100, д. 100).

²² См. циркуляры 19 октября 1906 г., 19 сентября 1907 г., (повторялись ежегодно): там же; ср.: ф. 452, д. 30.

²³ См. циркуляры Министерства внутренних дел от 7 сентября 1913 г. и 30 июня 1914 г.: там же, ф. 100, д. 100, л. 52; ф. 452, д. 62.

²⁴ Там же, ф. 1042, оп. 1, д. 260.

Уже само по себе огромное преобладание трудящихся в царской армии объективно способствовало переходу ее на сторону народа.

В то же время соединение трудящихся в крупных компактно размещенных воинских частях являлось одной из форм их концентрации. Особенное значение имело это для крестьян. Для них военная служба являлась самым важным средством объединения их в крупные коллективы, в которых к тому же жители деревни длительно, постоянно и непосредственно общались с промышленными рабочими. Именно в армии крестьяне преодолевали столь характерную для деревни местную ограниченность и испытывали глубокое влияние рабочего класса.

Массовость и рабоче-крестьянский состав русской армии делали объективно неизбежным сочувствие солдат освободительной борьбе трудящихся. Оно — это сочувствие — могло быть большим или меньшим по активности и масштабам, могло проявиться раньше или позже, но оно имело место всегда, и, в конечном счете, именно оно определяло поведение армии в периоды обостренной классовой борьбы. Для вдумчивых представителей господствующих классов было очевидно, что «спокойствие» армии является весьма условным. Так, один из губернаторов в своих воспоминаниях писал о солдатской массе следующее: «Эти силы состоят из тех же русских людей, которые по самой своей природе не могут не отразить господствующих в народе настроений. Если эта сила еще кажется не колеблющейся, то ведь это только иллюзия. Напротив того, в душе ее обязательно должны были происходить глубокие брожения, и только инерция не позволяла им вылиться наружу. Но ведь инерция при наличии возбудителей фатально должна ослабевать и притом в головокружительной прогрессии».²⁵

Известно, что эпоха империализма отмечена исключительными по напряжению классовыми боями рабочих против царизма и буржуазии. Несмотря на временные поражения, рабочее движение, в конечном счете, неуклонно ширилось и разрасталось, становилось активнее, организованнее, сознательнее и целеустремленнее. Накануне первой мировой войны четыре пятых сознательных рабочих сплотилось вокруг партии большевиков.²⁶ В годы войны, в условиях общего нарастания революционной ситуации, массовое забастовочное движение привело

²⁵ И. Ф. Кошко. Воспоминания губернатора. 1905—1914 гг. Новгород—Самара—Пенза. Пгр., 1916, стр. 73. Цит. по кн.: М. И. Ахун и В. А. Петров. Большевики и армия, стр. 8.

²⁶ В. И. Ленин. Рабочий класс и рабочая печать. Сочинения, т. 20, стр. 340.

к общей политической стачке, которая в февральские дни 1917 г. переросла в победоносное вооруженное восстание.

Являясь классом-гегемоном, пролетариат повел за собой крестьянство и все вообще слои трудящегося и эксплуатируемого народа.

При этом следует учесть те объективные изменения, которые произошли в деревне в период между двумя революциями. Под влиянием развития капитализма, все глубже и глубже проникавшего в деревню, в результате аграрной политики царизма, с ее насильственным разрушением полусредневековой крестьянской общины в деревне происходило все более и более резкое размежевание классовых сил. Ленин отмечал, что одним из результатов столичинской аграрной политики было увеличение числа деревенских пролетариев.²⁷ В годы первой мировой войны указанный процесс получил дальнейшее развитие, показателем чего может служить увеличение безлошадных и беспосевных хозяйств.²⁸

Охарактеризованные социально-экономические сдвиги, происшедшие в деревне, неизбежно усиливали революционно-демократическую активность крестьянства, беднейших его слоев в первую очередь. В. И. Ленин писал: «... антагонизм „крестьянства“ и Марковых—Романовых—Хвостовых усилился, возрос, обострился».²⁹ Революционный потенциал деревни достиг крайних пределов. При первых известиях о победе городских восстаний рабочих и солдат против царизма крестьянство единодушно и повсеместно примкнуло к буржуазно-демократической революции.

Подъем революционного движения в стране неуклонно и неизбежно захватывал армию. Ленин неоднократно подчеркивал, что именно борьба пролетариата, поднимающая крестьянство, вносит «разложение в ряды царского войска».³⁰ «Упорная борьба рабочих,— писал Ленин,— постоянные стачки, демонстрации, частичные восстания, все эти пробные, так сказать, сражения и схватки неизбежно втягивают войско в политическую жизнь, а следовательно, и в круг революционных вопросов. Опыт борьбы просвещает быстрее и глубже, чем могли бы при других условиях сделать годы пропаганды».³¹ Вместе с тем по

²⁷ В. И. Ленин. Последний клапан. Сочинения, т. 18, стр. 228—229.

²⁸ По этому вопросу см. А. М. Анфимов. Крестьянское хозяйство России в годы первой мировой войны. История СССР, 1957, № 3, стр. 64 сл.

²⁹ В. И. Ленин. О двух линиях революции. Сочинения, т. 21, стр. 382.

³⁰ В. И. Ленин. Политическая стачка и уличная борьба в Москве. Сочинения, т. 9, стр. 322.

³¹ Там же.

мере развития революционного движения в армию попадало все больше и больше вольнолюбиво настроенных новобранцев или даже активных революционеров. Это отчетливо обнаружилось уже в начале XX в. Так, солдатами стали 10 членов киевского Союза борьбы за освобождение рабочего класса,³² ряд участников забастовки кузнецов в Варшаве в 1901 г.,³³ большое количество участников студенческих волнений³⁴ и т. д. Этих последних один из корпусных командиров отметил в специальном приказе, указав на «неблагоприятные следы», оставленные сданными в солдаты участниками студенческих волнений «во всех вообще войсках», где они служили.³⁵

О том, какое пополнение стала получать царская армия, свидетельствуют политические демонстрации новобранцев, уже накануне первой русской революции ставшие заметным явлением в общественно-политической жизни страны.

В годы первой русской революции пополнения стали еще более «ненадежными». Характерно, что военные организации большевистской партии обратили на это обстоятельство особое внимание и проводили с призывниками специальную работу, о которой впоследствии Емельян Ярославский рассказывал так: «Мы обращали большое внимание на тех молодых рабочих, которым предстояла военная служба. Их мы подготовляли к тому, чтобы они, очутившись в армии, повели революционную социалистическую пропаганду. Кое-где мы организовали специальные кампании среди новобранцев, среди допризывников. Почти перед каждым призывом солдат мы выпускали специальные листовки, распространяли их по фабрикам и заводам, на призывных пунктах, и в этих листовках мы разъясняли задачи революционера-социалиста в армии».³⁶

Предвоенные настроения многих солдат может характеризовать следующее письмо, перехваченное полицией и доставленное военному министру в ноябре 1913 г.: «Теперь солдаты стали умней, в мужиков целиться не станут, а будут в случае чего избивать начальство, они наши враги».³⁷

В годы первой мировой войны с ее массовыми мобилизациями прилив в армию революционно настроенных призывников,

³² ЦГВИА, ф. Главного военно-судного управления, I отделение, 1901 г., св. 151, д. 27.

³³ Там же, 1902 г., св. 152, д. 8.

³⁴ Там же, д. 6, д. 29 и др.

³⁵ Искра, № 27, 1902, 1 ноября. Изд. Истпарта, вып. 4, Л., 1927, стр. 83.

³⁶ Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. 2, ГИЗ, 1929, стр. 191 (выступление Ем. Ярославского).

³⁷ ЦГВИА, ф. 400, д. 31, л. 197.

естественно, усилился. Яркую характеристику мобилизованных резервистов дает М. Д. Бонч-Бруевич, являвшийся в начале войны командиром 176-го Переволоченского полка (Чернигов). Ему бросилась в глаза «резкая разница» между запасными, участвовавшими в русско-японской войне, и запасными, служившими в армии накануне империалистической войны. Для последних «выучка в учебных командах не прошла даром и сделала из них настоящих „низших чинов“, бессловесных солдат». В общем они были в достаточной мере оболванены, и временный отрыв от армии на них существенно не повлиял. «Зато запасные из участников русско-японской войны, едва прибыв в полк, начали предъявлять всевозможные претензии: держались вызывающе, на офицеров глядели враждебно... Это были люди, хлебнувшие революции пятого года, потерявшие рабскую веру в батюшку-царя и еще там, где-нибудь под Мукденом, уразумевшие бессмысленность и жестокость существующего строя».³⁸

Известно, что уже первые массовые мобилизации в июле 1914 г. вызвали серьезные волнения и политические демонстрации призывников. Например, в Петербурге 19 июля 1914 г. в колоннах демонстрантов, шедших с красными флагами, с пением Марсельезы, с криками «Долой войну!» приняли участие и партии мобилизуемых, направлявшиеся на призывные пункты.³⁹ Такие демонстрации — или стихийные выступления против начинающейся войны — происходили повсеместно. Я. Крастынь насчитывает 80 крестьянских волнений в дни июльской мобилизации.⁴⁰ А. Б. Беркевич на основании изучения документов Департамента полиции установил, что выступления против всеобщей мобилизации охватили 42 губернии,⁴¹ т. е. половину всех губерний и областей царской России. Стихийные по общему своему характеру, они содержали совершенно очевидные черты протеста против империалистической войны, а иные из них выливались в аграрные выступления против помещиков. Крестьяне с Михайловского Ставропольского у. говорили: «Нужно воткнуть штык в землю, и тогда пускай начальство воюет».⁴² Многие помещицкие имения были разгромлены (20 — в Белоруссии,

³⁸ М. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания. Звезда, 1956, № 9, стр. 93—94.

³⁹ Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг. Составили А. Б. Беркевич и К. Г. Шариков, Л., 1939, стр. 25—26.

⁴⁰ Я. Крастынь. Революционная борьба крестьянства в годы империалистической войны. М., 1932, стр. 46.

⁴¹ А. Б. Беркевич. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. Исторические записки, т. 23, 1947, стр. 14.

⁴² Там же, стр. 20, 27 сл.

20 — в Киевской губ. и т. д.). Очевидцы не случайно вспоминали годы первой революции.⁴³

Народные волнения сопровождали все значительные мобилизации и в последующие военные годы. Например, с 8 по 14 сентября 1915 г., во время очередного призыва, произошло 27 волнений ратников II разряда.⁴⁴

Документы сохранили многочисленные показания, характеризующие антивоенную и, в конечном счете, антиправительственную настроенность этой массы переодетых в солдатские шинели людей из народа. Так, солдат-фронтовик писал в декабре 1914 г.: «Я видел слезы на глазах людей взрослых, пожилых людей... призывавших всеотмщающую и всеразрешающую грозу, новую грозу 1905 года».⁴⁵

18 июля 1915 г. начальник штаба верховного главнокомандующего Янушкевич, обобщая имеющиеся у него данные о солдатских настроениях, писал военному министру Поливанову: «В деревнях, при участии левых партий, уже отпускают новобранцев с советами не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться. Если будет 2—3-недельное обучение с винтовкой на 3—4 человека, да еще такое внушение, то ничего сделать с такими войсками невозможно».⁴⁶

Разумеется, с более определенными, политически осознанными антиимпериалистическими настроениями уходил в армию пролетариат. Партийные большевистские организации, в меру возможностей, проводили среди призывников-пролетариев специальную работу. Большевик-подпольщик И. К. Михайлов вспоминает о ней: «С завода уходит на войну первая партия рабочих. Устраиваем собрание, провожаем товарищей, берем с них клятву, что полученную от правительства винтовку они вернут только своим товарищам для борьбы за свержение всего буржуазного строя».⁴⁷

Получая с годами (особенно во время войны) все большее количество революционно настроенных призывников, царизм постепенно терял, а в 1914—1917 гг. почти целиком утратил воз-

⁴³ Там же, стр. 28, 32.

⁴⁴ С. Г. Капшук о в. Борьба большевистской партии за армию в период первой мировой войны (1914—март 1917 гг.). Воениздат, М., 1957, стр. 81.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 2400, д. 31, л. 231.

⁴⁶ А. Поливанов. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг., т. I. Под ред. А. М. Зайончковского с предисловием Михаила Павловича, М., 1924, стр. 185.

⁴⁷ И. К. Михайлов. Четверть века подпольщика. Госполитиздат, 1957, стр. 213.

возможность борьбы с ними путем искусственного комплектования армии, отсева и изоляции политически неблагонадежных солдат, казарменной обработки новобранцев и т. д.

Прежде всего численное возрастание армии, неизбежное в условиях усиления милитаризма, сужало пути искусственного отбора солдат, о чем можно судить по следующим данным Главного управления Генерального штаба:

Годы	Контингент призывных	Число подлежащих призыву	% контингента новобранцев к числу призывников
1874	150000	700000	21,4
1904	447000	1173000	38,1
1908	456000	1282000	35,6

Таким образом, число лиц призывного возраста выросло на 83%, а число призываемых в армию новобранцев — в 3 раза.⁴⁸ Но этого мало, объективные условия вынуждали царизм все в больших и больших размерах призывать в армию именно те слои населения, которые считались политически особенно «неблагонадежными» — промышленных рабочих. Вследствие необходимости перестройки армии на основе новейшей капиталистической техники, все более и более возрастал удельный вес специальных частей. Кроме традиционных для XIX в. и развивавшихся саперных, понтонных, минных, железнодорожных, телеграфных и тому подобных войск, появлялись войска самокатные, мотоциклетные, автомобильные, броневые, воздухоплавательные, авиационные. Все эти роды войск требовали солдат, знакомых с машинной техникой. Между тем еще с 60-х годов XIX в. (в этом одна из малоизученных особенностей милютинской военной реформы) армия в основном отказалась от самостоятельной подготовки солдат-специалистов. Если до реформы всевозможные саперы, минеры, телеграфисты, оружейники обучались своему делу либо в специальных командах мастеровых или батальонах кантонистов, либо непосредственно в воинских частях (что было вполне осуществимо, так как солдат служил 25 лет), то в капиталистической России армия набирала нужных ей солдат-специалистов главным образом из призывников. В 1905 г. командир Туркестанской железнодорожной бригады Ульянов, анализируя причины революционной настроенности подчиненных ему войск, отмечал, что «железнодорожные ба-

⁴⁸ См. представление Главного управления Генерального штаба Военного министерства в Государственную думу 14 января 1911 г.: ЦГИАЛ, ф. Совета министров, оп. 7, д. 360, л. 1.

тальоны обслуживают дорогу только теми специалистами, которые приходят таковыми на военную службу».⁴⁹

Отношение к призывникам из рабочих было у царских генералов двойственным. С одной стороны, как указывалось выше, они опасались и сознательно избегали увеличения удельного веса в армии выходцев из промышленного пролетариата. С другой стороны, они считались с необходимостью привлечения их для усиления боеспособности специальных частей. Командующие отдельных родов войск иногда даже вступали в споры из-за возможности комплектования частей именно такого рода солдатами. Например, в отчете за 1901 г. командующий войсками Финляндского военного округа высказывал пожелание, чтобы «в числе новобранцев, назначаемых в артиллерию (крепостную), поступали люди, служившие раньше рабочими на пароходах, при машинах, на фабриках, заводах, телеграфе, динамомашинках и т. д.». Главный штаб разъяснил ему, что таковые новобранцы «должны быть назначаемы во флот, в телеграфные роты, железнодорожные батальоны и в интендантские заведения, а на крепостную артиллерию их уже не хватает».⁵⁰

В конечном счете, удельный вес промышленного пролетариата в армии неуклонно возрастал, хотя до первой мировой войны возрастание это было медленным. Важно отметить, что солдаты из рабочих, вследствие специфики комплектования специальных войск, не были распылены, а в известной степени даже были сконцентрированы в сравнительно немногих частях и подразделениях.

Первая мировая война, вызвавшая невиданные дотоле потребности в призыве новобранцев и резервистов, вынудила царизм отказаться от всех (за исключением немногих национальных) ограничений комплектования армии. Пожалуй, самым важным результатом этого было весьма значительное увеличение — и абсолютное и относительное — промышленных рабочих в солдатских рядах.

Необходимо отметить, что усиленная мобилизация рабочих была результатом не только собственно военных (нужда в солдатах), но и политических соображений: отправка их на фронт была средством расправы с забастовщиками и вообще продиктована стремлением предотвратить нарастание революционного движения в промышленных центрах.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 5873, д. 19, лл. 66—67. Ср.: Н. Б. Макаров. Революционное движение в войсках Туркестанского военного округа. Сб. «Революционное движение в армии в годы первой русской революции», Госполитиздат, М., 1955, стр. 452—453.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. Канцелярии Военного министерства, II административное отделение, 1902 г., д. 1, лл. 128—129.

Массовые мобилизации рабочих усилили их удельный вес в армии, притом не только в технических войсках, но и в армейских полках. Об этом можно судить по переписке о количестве солдат-специалистов. Покажем это на примере 19-й пехотной запасной бригады, полки которой стояли в Петрограде и пригородах. Так, только в декабре 1916 г. в бригаду было направлено 2090 солдат-специалистов из Омского, Иркутского и Приамурского военных округов.⁵¹ В марте 1917 г. из этой бригады решено было демобилизовать 56 квалифицированных рабочих-горняков с юга России.⁵² В мае 1916 г. из бригады было направлено на заводы 44 токаря по металлу.⁵³ В июне-июле 1916 г. на Ижевский завод командировано 515 солдат, бывших рабочих Путиловского, Обуховского и Пермского (Мотовилиха) заводов.⁵⁴ В октябре 1916 г. на заводы столицы было командировано 236 квалифицированных рабочих.⁵⁵ Примеры можно было бы умножить.

Интересные данные об изменении социального состава армии дают солдатские алфавиты, сообщающие иногда сведения о роде занятий солдат до их поступления на военную службу. Вот, например, результаты подсчета этих данных за 1917 г. по 1-й и 2-й ротам 180-го пехотного запасного полка (Петроград):⁵⁶

Род занятий и специальность	Число солдат	В % ко всему составу
Хлебопашцы, огородники, скотоводы, рыболовы и т. п.	941	33.72
Кожевники, сапожники, шорники, портные, чехоманщики и т. п.	357	12.79
Слесари, столяры, кузнецы, бондари	311	11.16
Строительные рабочие (плотники, маляры, печники, штукатуры, кровельщики, каменщики)	170	6.09
Фабричные рабочие	99	3.54
Шоферы	13	0.46
Извозчики	9	0.32
Чернорабочие	509	18.24
Служащие	261	9.35
Торговцы	121	4.33
Всего	2791	100

Приведем также данные, полученные в результате статистической обработки алфавитов 6-го запасного саперного батальона

⁵¹ ЦГВИА, ф. 100, д. 178 (строевая часть, 1917 г., № 8), лл. 1—2.

⁵² Там же, лл. 126, 137.

⁵³ Там же, д. 132, л. 17.

⁵⁴ Там же, д. 125.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Б. М. Кочаков. Состав петроградского гарнизона в 1917 г. Ученые записки Ленинградского государственного университета, вып. 205, Л., 1956, стр. 71.

(Петроград). В этих алфавитах указан род занятий (до поступления на военную службу) 1772 солдат, причем записи велись с начала войны до 1917 г. включительно. В ряде случаев записи не позволяют установить социальную принадлежность солдат, ибо в алфавитах не делалось различия между рабочими и ремесленниками. Все же записи позволяли сделать важные наблюдения. Из общего числа зарегистрированных в алфавитах солдат занимавшихся хлебопашеством (крестьян) было около 12%, служащих, торговцев, лиц свободных профессий и домашней прислуги (дворников, лакеев и пр.) около 10%. Остальные были рабочими и ремесленниками. Показательны цифры, характеризующие численность представителей отдельных профессий: токарей, монтеров, машинистов, литейщиков, кочегаров и других специфически пролетарских профессий было около 12%; слесарей, столяров, кузнецов (среди которых, несомненно, было много фабрично-заводских рабочих) — около 26%. Таким образом, рабочая прослойка в 6-м запасном саперном батальоне в 1914—1917 гг. была значительно выше, чем в инженерных частях Петроградского военного округа до войны.⁵⁷ Относительно меньше рабочая прослойка выросла в гвардии, куда рабочих-забастовщиков, как упоминалось выше, вообще не направляли, а призывников из пролетарских районов, по возможности, избегали направлять.⁵⁸

Говоря об изменениях состава солдат, нужно также указать на увеличение среди них грамотных. Это было результатом общего роста грамотности в стране, увеличившегося притока в армию рабочих, а также отмены для призываемых льгот по образованию в годы первой мировой войны. О росте грамотности среди принятых на военную службу в 1900—1913 гг. свидетельствует составленная А. Г. Рашиным таблица:⁵⁹

Годы	% грамотных среди принятых на военную службу	Годы	Процент грамотных среди принятых на военную службу
1900	49	1907	61,9
1901	(50,0) ⁶⁰	1908	64,1
1902	(51,5) ⁶⁰	1909	62,9
1903	52,9	1910	65,2
1904	55,5	1911	66,7
1905	55,9	1912	68,1
1906	58,0	1913	67,8

⁵⁷ Там же, стр. 74—75.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956, стр. 304.

⁶⁰ Данные в скобках выведены А. Г. Рашиным на основании данных за смежные годы.

Приведенные цифры, однако, несколько идеализируют реальное положение вещей. По данным «Военно-статистического ежегодника армии за 1913 г.», среди нижних чинов насчитывалось грамотных 48.98%, малограмотных 23.41%, неграмотных 27.61%. Таким образом, собственно грамотные (очевидно, умеющие читать и писать) составляли не $\frac{2}{3}$, а около $\frac{1}{2}$ солдатского состава. Еще более интересны данные указанного ежегодника относительно образовательного ценза нижних чинов: с высшим образованием было 0.13%, со средним — 0.51%, с низшим — 9.14%, без образовательного ценза — 90.22%.⁶¹ Таким образом, грамотность подавляющей массы солдат была весьма и весьма относительной. Но даже и при самом критическом отношении к данным, сообщаемым А. Г. Рашиным, следует признать, что грамотность среди солдат неуклонно возрастала и что она была более высокой, нежели грамотность народа в целом.

В годы войны она выросла еще более в связи с указанными выше изменениями в системе комплектования армии.

Например, в алфавите прибывших в 1916 г. солдат первой роты 180-го пехотного запасного полка из 1067 зарегистрированных значится грамотных 843 (80%), малограмотных — 25 (3%), неграмотных — 179 (17%).⁶²

Увеличение грамотности среди солдат было одним из важных факторов роста их политического сознания.

Не увенчались успехом и мероприятия, направленные на отсеивание и изоляцию политически неблагонадежных призывников. Правда, в соответствии с указом 12 сентября 1907 г. лица, привлеченные к дознаниям по политическим делам, призывались в армию только после окончания следствия, а лица, находящиеся под надзором полиции, — после снятия надзора. Но эта мера охватывала только тех, кто был, так сказать, явно изболочен в каком-то причастии к революционному движению. Но за ними стоял обширный круг молодежи, еще не «учтенной» полицией, но охваченной революционными идеями. Несмотря на все меры предварительной проверки, о которых говорилось выше, они неизбежно попадали в армию. Примером этого может служить переписка Штаба Петроградского военного округа о переводе в отдаленные гарнизоны 18 солдат, зачисленных первоначально в столичные (преимущественно гвардейские) полки, но затем изболоченных в политической неблагонадежности.

Любопытны мотивы их перевода. Солдат Дубков — «командир роты уверен в его политической неблагонадежности» (хотя данных о том не сообщалось); Федоров — говорил солдатам, что

⁶¹ Военно-статистический ежегодник армий за 1913 г., стр. 360—361.

⁶² ЦГВИА, ф. 157, д. 56.

он «занимался политикой, участвовал на митингах» и проч., а командиру роты сказал, что поступил на военную службу «для ведения политической пропаганды». Лысенко — во время отпуска вошел в сношения с местной революционной организацией, о чем жандармы и сообщили в часть; Карпинский — принадлежит к Польской Социалистической партии; Прытков — «сочувствует освободительному движению»; Пивень — участвовал в погроме помещицкой экономии; Михайлов — «доверия не внушает»; Гаврилов — «принимал участие в забастовках».⁶³ Приведенные данные интересны также еще и в том отношении, что характеризуют политическое лицо так называемых «неблагонадежных» солдат. Среди них мы находим не только просто сочувствующих освободительному движению, но также и членов революционных организаций, непосредственных участников забастовочного движения и крестьянских волнений.

В годы войны отсев «неблагонадежных» почти не применялся. Более того, как указывалось выше, мобилизация в армию применялась как одна из мер борьбы с революционным движением. Генералы говорили об этом открыто. Например, Ренненкампф откровенно заявлял: «... для того, чтобы успешно вести войну, прежде всего надо обезглавить революцию, т. е. произвести мобилизацию в рабочих районах; оставшиеся же работать на оборону вынуждены будут укротить революционный пыл».⁶⁴ Не менее цинично командующий войсками Петроградского военного округа кн. Туманов, собрав в октябре 1915 г. столичных заводчиков, настойчиво спрашивал: «почистились» ли они после забастовки от «неблагонадежных элементов», «есть ли военнообязанные среди рассчитанных» и не попадут ли рассчитанные рабочие «к кому-нибудь другому на завод»? Руководителям вагоностроительного завода, которые побоялись уволить забастовщиков, Туманов сделал замечание: «Как же так! Была у вас забастовка, могли очиститься от неблагонадежных элементов, а вы не воспользовались случаем. Неужели вам ждать второй забастовки?»⁶⁵ В 1916 г. Туманов, уже не спрашивая заводчиков, сам увольнял забастовщиков и тут же приказывал направлять их в распоряжение петроградского уездного военного начальника.⁶⁶

⁶³ Там же, д. 4274.

⁶⁴ Очерки истории Ленинграда, т. III, Период империализма и буржуазно-демократических революций. 1895—1917 гг. М.—Л., 1956, стр. 948.

⁶⁵ Сборник «Социал-демократа», центрального органа Российской социал-демократической рабочей партии, № 2, 1916, стр. 74—75, цит по сб.: Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. Составили А. Б. Беркевич и К. Г. Шариков. Л., 1939, стр. 94—97.

⁶⁶ Там же.

В начале 1916 г. обязательная мобилизация участников забастовочного движения была принята в качестве меры борьбы с революционным движением. Особый журнал Совета министров в качестве меры для предупреждения и прекращения фабричных забастовок устанавливал призыв военнообязанных, «сверстники коих уже призваны», рекомендовал производить его постепенно, начиная с младших возрастов, «дабы дать возможность рабочим более старых возрастов образумиться и встать на работу». В случае необходимости власти могли лишать рабочих права на трехдневную льготу для сборов.⁶⁷

Опасаясь «вредного влияния» рабочих-забастовщиков на солдат запасных батальонов, Совет министров предписывал направлять уволенных за забастовки в запасные батальоны, «расположенные вне района бастовавшего предприятия»; «распылять их по отдельным батальонам небольшими партиями» с тем, чтобы в каждом батальоне было не более 200 таких рабочих, а в случае невозможности такого «распыления», а также в случае «обнаружения вредного влияния их на нижних чинов батальона»⁶⁸ — направлять в другие округа. Петроградских рабочих, например, направляли, по возможности, в наиболее отдаленные от столицы запасные батальоны округа: в Медведь, Новгород, Старую Руссу, Фридрихсгам.⁶⁹ Однако полностью осуществлять эту меру не удавалось вследствие транспортных, казарменных и иных мобилизационных трудностей. Значительная часть рабочих-забастовщиков оседала в ближних к Петрограду гарнизонах или даже в самом Петрограде.

Журнал Совета министров особо подчеркивал, что «призываемые рабочие назначению в гвардейские запасные батальоны не подлежат».⁷⁰

В общем итоге было произведено довольно много массовых мобилизаций рабочих-забастовщиков. Одних путиловцев за годы войны в армию было взято до 6 тысяч.⁷¹ В 1915 г. рабочие одной из мастерских завода «Феникс» также были направлены на фронт.⁷² Аналогичный случай произошел после мартовской за-

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 100, д. 131, л. 684.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Так, мобилизованных в феврале 1916 г. путиловцев направили — в количестве 2 тысяч — в 177-й и 178-й запасные батальоны (Новгород и Старая Русса). М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода. Л., 1939, стр. 561.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 100, д. 131, л. 684.

⁷¹ М. Мительман, Б. Глебов, А. Ульяновский. История Путиловского завода, стр. 597.

⁷² Рабочее движение в годы войны. Подготовил к печати М. Г. Флеер, М., 1925, стр. 225.

бастовки 1916 г. на заводе «Новый Лесснер».⁷³ По поводу последнего случая нелегальная газета Петербургского комитета большевиков «Пролетарский голос» писала: «Услужливый полицейский пристав ловил рабочих и препровождал их к воинскому; не желаете работать, — пожалуйста на убой. Военные власти были не осведомлены на этот раз о необходимости „прогрессивно-демократической тактики“ и сразу, было, отказались кормить забастовщиков на интендантский счет. Потом смирились и образовали „Лесснеровский батальон“. Путиловский, Николаевский, Тульский давно имеются».⁷⁴ Известны факты мобилизации забастовщиков ряда других крупнейших заводов, а также шахт, верфей и других предприятий страны.⁷⁵ В делах штаба Петроградского военного округа и некоторых запасных полков сохранились списки рабочих, направленных в армию за участие в забастовках 1916 г., в частности в октябрьских стачках. Последнее обстоятельство имеет особый интерес: к февралю 1917 г. эти рабочие еще не успели пройти курс боевой подготовки и, следовательно, еще не были отправлены на фронт.

Активных революционеров-подпольщиков направляли в армию после ареста в обход всяких законов. Так случилось, например, с А. Кондратьевым, арестованным в конце сентября 1916 г.: из тюрьмы его направили прямо к воинскому начальнику. «Такие эксперименты, — вспоминал А. Кондратьев, — неоднократно проделывались над нашими товарищами, которые после ареста вместо ссылки шли на фронт».⁷⁶

В целом эпоха империализма отмечена существенными изменениями состава солдатской массы. Они начались еще в мирные годы, но особенно резко проявились за время войны. В предвоенный период в армии преобладала искусственно отобранная молодежь, зачастую не прошедшая серьезной жизненной школы и не имевшая сложившихся взглядов, а потому легче поддававшаяся казарменной обработке. Несмотря на колебания, особенно серьезные в 1905 г., эта армия, в большей своей части, была верна царизму. В первых же боях первой мировой войны вымуштрованные кадровые части потеряли свой костяк. На его место в солдатские ряды компактной массой влились политически зрелые люди, в числе их — активные революционеры, рабочие-правдисты, рабочие-забастовщики, участники крестьянских и солдатских вол-

⁷³ А. Кондратьев. Воспоминания о подпольной работе. Красная летопись, 1923, № 7, стр. 39.

⁷⁴ «Пролетарский голос», орган ПК РСДРП, 1916, № 3, 1 мая — см.: Красная летопись, 1924, № 1 (10), стр. 148.

⁷⁵ См., например: ЦГВИА, ф. Штаба Петроградского военного округа, д. 1899 (мобилизационное отделение, 1918 г., № 13).

⁷⁶ А. Кондратьев. Воспоминания о подпольной работе, стр. 60.

нений 1905—1907 гг., крестьяне, испытавшие разорение столыпинской аграрной реформы.

«Армия во время империалистской войны вобрала в себя весь цвет народных сил», — писал в 1919 г. В. И. Ленин.⁷⁷ Переход этой армии на сторону народа явился вопросом недолгого времени.

* * *

*

Этот переход был тем более скорым, что в эпоху империализма стали ослабевать, а в годы войны окончательно утратили силу рычаги отделения армии от народа.

Так, царизму не удалось осуществить полной казарменной изоляции солдат. Неизбежным оказалось размещение очень многих воинских частей в крупных промышленных центрах — неизбежным и по политическим (необходимость держать войска наготове для расправы с борющимися пролетариатом), и по хозяйственным (затруднения с постройкой казарменных помещений вне городов) соображениям. Увеличились возможности общения солдат с гражданским населением: к этому приводили выросшие наряды по охране заводов, вокзалов, мостов и т. п.; прикомандирования к заводам и другим предприятиям для различных работ; пребывание в санитарных заведениях, столь массовое в годы войны, и т. д. Постепенно уменьшались, а в военные годы резко сократились сроки казарменной «обработки» солдат. Все менее и менее оправдывали себя методы этой обработки: «идеологическое» воздействие явно не соответствовало настроениям солдатских масс, а тупая муштра и палочная дисциплина лишь умножали стихийные протесты против армейского режима. Ослабевал авторитет офицерства, которое, как отмечал Ленин, уже в годы русско-японской войны «оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием».⁷⁸ Замена, в результате громадных военных потерь 1914—1917 гг., кадрового офицерского состава новым офицерством буржуазного и мелкобуржуазного происхождения, не обладающим опытом казарменной обработки «нижних чинов» и в значительной мере оппозиционным по политическим настроениям, еще более ослабила влияние царизма на армию.

В общем итоге народная по составу солдатская масса все определеннее и определеннее становилась народной по настроению.

⁷⁷ В. И. Ленин. Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата. Сочинения, т. 30, стр. 236.

⁷⁸ В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. Сочинения, т. 8, стр. 35.

Понятно, что, разделяя антицаристские и антимилитаристические настроения народа, она присоединялась к его революционной борьбе. В годы первой мировой войны этот процесс получил свое завершение.

Но сама по себе стихийная борьба не могла дать народу, солдатам в том числе, мир, хлеб и свободу. Необходимо было, чтобы эту борьбу направил и возглавил революционный класс — пролетариат.

Партия большевиков — авангард рабочего класса — направила стихийные возмущения солдат в русло сознательной и организованной борьбы пролетариата против царизма и империализма.

В начале XX в. и даже в годы первой революции руководящая работа партии среди солдат не была еще налажена необходимым образом. Анализируя причины поражения солдатских восстаний 1905 г., Ленин писал: «...нехватало организации революционных социал-демократических рабочих в военных мундирах: у них не было умения взять руководство в свои руки, стать во главе революционной армии и перейти в наступление против правительственной власти».⁷⁹ Ленин отмечал и другой урок революции: восставшие «были не на высоте задачи в борьбе за колеблющееся войско».⁸⁰ Ленин подчеркивал, что мало одной идейной «обработки» войска, что необходима смелая, предприимчивая, наступательная, физическая борьба за колеблющееся войско, без которой присоединение ее к восставшим рабочим не может быть обеспечено.⁸¹

Используя опыт первой революции, большевистская партия придала работе среди солдат необходимый размах, организовала систематическую и результативную борьбу за колеблющееся войско, учтя и должным образом использовав объективные перемены, происшедшие в период между двумя революциями в стране вообще, в армии — в частности.

Подводя общий итог борьбе большевиков за армию, Ленин в 1919 г. писал: «Предатели социализма не подготовили за 1914—1917 годы использование армий против империалистских правительств каждой нации. Большевики подготовили это всей своей пропагандой, агитацией, нелегально-организационной работой с августа 1914 года».⁸²

⁷⁹ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 г. Сочинения, т. 23, стр. 238.

⁸⁰ В. И. Ленин. Уроки Московского восстания. Сочинения, т. 11, стр. 149.

⁸¹ Там же, стр. 178.

⁸² В. И. Ленин. Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата. Сочинения, т. 30, стр. 237.

Естественно поэтому, что как только в февральские дни руководимые большевиками рабочие столицы подняли и направили петроградских солдат на общую борьбу с царизмом, вслед за тем армия повсеместно перешла на сторону революции. Причина столь быстрого перехода заключалась в том, что народная по своему составу армия стала народной и по духу. Одной из заслуг большевистской партии было то, что, опираясь на объективные исторические условия, она умело и своевременно привлекла солдат на сторону пролетариата и энергично использовала их колоссальный революционный потенциал.
